между художественнымъ творчествомъ Гоголя и *Перепиской съ друзьями*, и различіе это скрадывается лишь тѣмъ, что почти всюду у Толстого всетаки прорывается художникъ, а также исключительно жгучимъ характеромъ затрагиваемыхъ имъ вопросовъ (о голодѣ, о поркѣ, о смертной казни).

„Великій писатель земли русской, вернитесь къ литературѣ“! Такъ взывалъ въ предсмертномъ письмѣ своемъ Тургеневъ, который едва-ли какъ слѣдуетъ понималъ всю серьезность коллизіи въ душѣ Толстого и смотрѣлъ на нее только глазами художника. Но пожеланіе Тургенева могло бы быть исполнено въ томъ лишь случаѣ, еслибы конфликтъ былъ изжитъ, и Толстой ощутилъ бы въ себѣ способность своимъ художественнымъ творчествомъ служить Богу. Но онъ этого, очевидно, такъ и не ощутилъ, и роняемыя имъ крохи художественнаго творчества (какъ бы ни были онѣ драгоцѣнны) онъ считалъ дѣломъ второстепеннымъ, какъ будто стыдился ихъ, хотя въ нихъ и просвѣчиваетъ иногда новое, умудренное и просвѣтленное отношеніе къ міру. Онъ подчиняетъ искусство утилитарнымъ цѣлямъ, сознательно дѣлаетъ его тенденціознымъ. Въ неразрѣшенности этого конфликта, въ неослабѣвающей остротѣ этого неизбывнаго противорѣчія не лежитъ-ли психологическій источникъ и всей теоріи опрощенія съ проповѣдью недѣланія!

Tantum religio potuit suadere malorum, скажетъ по этому поводу поклонникъ искусства, чуждый религіознаго міропониманія. Напротивъ, при религіозномъ отношеніи къ жизни въ этомъ самоубійствѣ художника, въ Гоголѣ, жгущемъ свою рукопись, и въ Толстомъ, замѣняющемъ перо сапожнымъ шиломъ и пишущемъ, вмѣсто *Анны Карениной*, *Царствіе Божіе внутри васъ* видится полное глубокаго смысла и внутренно необходимое религіозное бореніе человѣческаго духа. Это болѣзнь, но болѣзнь избранныхъ натуръ не къ смерти, а къ жизни. Душа человѣка дороже цѣлаго міра и тѣмъ болѣе дороже его художественнаго творчества, и, если дѣйствительно нужно принести это творчество въ жертву для спасенія души, пусть будетъ принесена эта жертва. Вѣдь просто послѣдовать зову Тургенева, по старому возвратиться къ искусству при новыхъ требованіяхъ къ себѣ, для Толстого означало бы паденіе, а вернуться къ нему по новому онъ не умѣлъ. Первобытная невинность потеряна, вмѣстѣ съ непорочностью наготы, которая